

*Сорокин А.Н.*¹

Скудельницы древнего Новгорода
(к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда
в чрезвычайных ситуациях)

Аннотация. В статье на примере древнего Новгорода (XIII–XVII вв.) с использованием широкого круга письменных и археологических источников впервые анализируются особенности древнерусского погребального обряда во времена чрезвычайных ситуаций (голодные моры, моровые поветрия).

Ключевые слова: древний Новгород, скудельница (общая могила), погребальный обряд, чрезвычайная ситуация, голодный мор, моровое поветрие (эпидемия чумы).

УДК 903.59+903.8.

Abstract. The article for the first time deals with the features of ancient Russian mortuary ceremony in the days of extraordinary situation (hungry pestilence, plague) on the example of ancient Novgorod (the XIIIth–XVIIth centuries) and on the base of writing and archaeological sources.

Key words: ancient Novgorod, collective tomb, mortuary ceremony, extraordinary situation, hungry pestilence, plague.

Изучение погребений является одним из традиционных и ведущих направлений в исторических и археологических исследованиях древней Руси. Однако еще остаются «белые пятна», в частности особенности погребального обряда в условиях чрезвычайных ситуаций, сопровождавшихся массовой гибелью населения. В разных источниках содержится информация о том, что в XIII – начале XVII вв. в Новгороде, Смоленске, Торжке, Пскове, Москве и Можайске для массовых захоронений устраивали скудельницы (скудельни). Первым к изучению древнерусских скудельниц обратился известный этнограф и археолог XIX в. И.М. Снегирев². Следующее целевое исследование появилось только в

---

¹ *Сорокин Александр Николаевич* – к.и.н., старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (email: janik04@mail.ru).

² Снегирев И.М. О скудельницах, или убогих домах в России // Труды и записки Общества Истории и древностей Российских, учрежденного при Императорском Московском Университете. Ч. III. Кн. I. М., 1826; Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 442.

конце XX в. и было посвящено псковским скудельницам³. Изучением скудельниц древнего Новгорода специально никто не занимался, поэтому о них сложилось довольно поверхностное представление⁴. Предметом данного исследования является комплекс проблем, связанных с новгородскими скудельницами: их назначение, конструкция, особенности местоположения, причины, обстоятельства и время появления.

В «северном» великорусском наречии «старинным» словом «скудельница» называлось «кладбище, общее место погребения.., общая могила, во время мора или общая вне святой земли (вне кладбища, где погребают самоубийц, опойц, утопленников, поднятые трупы странников.., часовня при этой могиле.., упокойный дом, при сторожке, на кладбище, где кладут временно покойников»⁵. В историографии также преобладает мнение, согласно которому древнерусские скудельницы в целом и новгородские, в частности, являлись «случайными», эпизодически устраиваемыми погребальными сооружениями в виде «общих ям» («общих гробниц») или кладбищ, где совершались массовые захоронения людей, погибших во время голодных моров, моровых поветрий и других чрезвычайных ситуаций⁶. На общем фоне выделяется предположение Р.Г. Скрынникова, определившего новгородские скудельницы как места, «куда в дни мора на время со всей округи собирали мертвые тела», которые «при первой возможности... отпевали и предавали земле за городом»⁷.

Чтобы понять истинное назначение скудельниц, необходимо рассмотреть их размеры и конструктивные особенности.

Приблизительные размеры скудельниц можно установить на основе сведений об их вместимости. В начале 30-х годов XIII в. во время голодного мора, длившегося по данным разных летописцев «по два» или «по четыре лета», в Смоленске «сътвориша 4 скуделници», в которых было собрано: «в дву 16000 (по другим сведениям 17000 или 36000. – А.С.), а в третьей 7000, а в четвертой 9000» погибших⁸.

³ Козюренко О.В. Скудельницы в Пскове XV–XVI вв. // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. СПб., 1995.

⁴ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. С. 439.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1882/1991. С. 212.

⁶ Снегирев И.М. Указ. соч.; Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. СПб., 1860 (М., 2003). С. 139, 560; Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 261; Корольков Н.Ф. Новгород Великий с приложением «Краткого путеводителя по святыням и достопримечательностям Новгорода». СПб., 1903. С. 77–78; Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Новгород, 1910. С. 142, 240, 243; Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 81, 83; Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1959. С. 314; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. М., 2000. С. 34–35; Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. С. 439.

⁷ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 102–103.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. III. СПб., 1841. С. 129 (Далее – ПСРЛ, 1841); Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1848. С. 29 (Далее – ПСРЛ, 1848); Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856. С. 137 (Далее – ПСРЛ, 1856); Полное собрание русских летописей. Т. X. СПб., 1885. С. 101 (Далее – ПСРЛ, 1885); Полное собрание русских летописей. Т. XVI. СПб., 1889. Стб. 50 (Далее – ПСРЛ, 1889); Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915. С. 212 (Далее – ПСРЛ, 1915); Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. II. Вып. 1. Пг., 1917. С. 205–206 (Далее – ПСРЛ, 1917); Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 209 (Далее – ПСРЛ, 1925); Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 125, 356 (Далее – ПСРЛ, 1949); Новгородские летописи. СПб., 1979. С. 18–19.

В тот же голодный мор в одну из новгородских скудельниц свезли «полчетверты тысячи» мертвых тел, а в другую сложили «числом 3000 и 30»⁹. По всей вероятности, для того, чтобы максимально использовать внутреннее пространство скудельниц, «тела мертвых», складывали в штабеля, о чем свидетельствуют летописные ремарки: скудельницу «наполни до верха», скудельницы «бысть полны», скудельницу «наметаша полну»¹⁰.

Для выяснения их конструкции решающее значение имеет свидетельство летописцев о том, что в начале XIII в. скудельницы «ставили»: например, «поставиша скудельницу»¹¹. Исходя из данного факта, можно предположить, что изначально скудельницы не являлись могильными ямами, поскольку о ямах нельзя сказать, что их «ставят», скорее, «копают (выкапывают)» или «роют (вырывают)». Вместе с тем глагол «ставить» в древнерусской лексике подразумевал строительство наземных построек и сооружений – каменных церквей, фортификаций, а также дворов¹². Кроме того, могильные ямы не принято заполнять мертвыми телами «до верха».

Таким образом, древнейшие скудельницы, вероятнее всего, представляли собой большие наземные сооружения. При этом скудельницы, в которые свозили сотни трупов, не могли быть домами, имевшими срубную конструкцию, потому что размеры самого большого жилого двухкамерного сруба, открытого на эталонном для новгородской археологии Неревском раскопе, составляли 9 x 14 м или 126 кв. м, а «сарай», то есть хозяйственные помещения, которые, как предположил Р.Г. Скрынников, использовали в качестве скудельниц, были и того меньше: их площадь не превышала 20–25 кв. м¹³.

Однако Р.Г. Скрынников высказал блестящую догадку о том, что новгородские скудельницы представляли собой «загородки»¹⁴. Из материалов археологических исследований следует, что наибольшее распространение в Новгороде в XI–XV вв. получили дворовые ограды в виде частоколов, которые как раз «ставили»¹⁵. Скорее всего, конструктивно ограждения скудельниц и дворов ничем не отличались, но, может быть, первые имели бóльшую высоту. Летописная фраза о том, что скудельницу «наполни до верха», по всей вероятности, означает, что мертвые тела складывали до верха загородки.

В одной из летописей, вероятно, ошибочно указано 33000 погибших новгородцев (Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 275).

⁹ Новгородские летописи. С. 18–19; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 277, 279, 69–71 (Далее – НПЛ). Указанное число, возможно, представляет собой не точный подсчет, а символ. Дело в том, что к тому времени в Новгороде было три самоуправляемых района, называвшихся концами (Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, 1971, № 2; Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология, 1974, № 3. С. 108). Таким образом, летописец в аллегорической форме сообщил, что скудельница служила местом сбора погибших со всего Новгорода.

¹⁰ НПЛ. С. 70, 277; ПСРЛ, 1915. С. 210; ПСРЛ, 1917. С. 204.

¹¹ НПЛ. С. 54, 71, 253, 279, 446.

¹² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1882/1989. С. 342.

¹³ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том IV. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 123. М., 1963. С. 78, 125.

¹⁴ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 102–103.

¹⁵ Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 22–24; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 310.

В данной связи совершенно иной смысл получает сюжет из сочинения Альбрехта Шлихтинга о бесчинствах Ивана Грозного в Новгороде: «Обычным родом казни у него был тогда следующий: он приказывал *оградить частоколом обширное место*, поручал привести туда огромную толпу знатных лиц и купцов, которых знал за выдающихся, садился на коня с копьём в руке и, прищпорив коня, пронзал копьём отдельных лиц, а сын его смотрел на эту забаву и одинаково занимался той же игрой»¹⁶. Вероятно, стремясь показать жестокий и необузданный нрав «тирана», Альбрехт Шлихтинг умышленно или вследствие непонимания иностранцем местных реалий, искажил бытовой факт – существование в Новгороде места, куда свозили тела людей, но не убитых на потеху Ивану Грозному, а погибших от голода, начавшегося в Новгороде в результате опричного погрома. Этим местом могла быть скудельница, наличие которой в то время в Новгороде подтверждается летописным известием. Свидетельство Альбрехта Шлихтинга по сути представляет собой дополнительный аргумент в пользу трактовки скудельниц как огороженного частоколом участка.

Таким образом, изначально скудельницы, как и предполагал Р.Г. Скрынников, действительно представляли собой временные морги (мертвецкие, покойницкие).

Однако в XV–XVII вв. терминология, относящаяся к устройству скудельниц, существенно изменилась: в это время скудельницы уже не «ставят», их копают и в них погребают: например, в 1466 г. в Пскове «скудельницы *ископаша, и полагаху мертвыя*»¹⁷; в 1553 г. в Пскове скудельницу «*покопаша*»¹⁸; прославившийся как «нищих и безродных погребатель» преподобный Даниил Переяславский († 7 апреля 1540 г.) «на рамена своя усопших странных, на распутьях поверженных телеса взимая, со псалмопением в скудельнице *погребал*»¹⁹; в Новгороде в 1570–1572 гг. «*погребли* в скудельницы», «отпевали *над скудельницею*», «*загребли* скудельницу»²⁰. В начале 70–х годов XVI в. при ликвидации последствий эпидемии чумы по словам Генриха Штадена «в поле вокруг Москвы были вырыты *большие ямы*, и трупы сбрасывали туда»²¹. По свидетельству Исаака Массы тех, кто погиб в Москве во время голода 1601–1603 гг., «*погребоша* в трех скудельницах», а для этого «каждодневно собирали множество мертвых и свозили их *в ямы*, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и когда эти *ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые*»²². Об этом же сообщал

¹⁶ Источники истории. Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). Альбрехт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 343.

¹⁷ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 72.

¹⁸ ПСРЛ, 1848. С. 308.

¹⁹ Служба всем святым в земле Русской просиявшим. Канон, песнь 7, троп. 4.

²⁰ ПСРЛ, 1841. С. 164; Новгородские летописи. С. 101, 106.

²¹ Источники истории. С. 465.

²² Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 59.

Жак Маржерет: «...в городе Москве умерли от голода более 120 тыс. человек; они были *похоронены* в трех назначенных для этого местах за городом»²³.

Таким образом, со временем «скудельницами» стали называть не наземные загородки–мертвецкие, а могильные ямы. Их форма неизвестна, но в некоторых случаях скудельницы–ямы могли представлять собой траншею: например, в пожаре, произошедшем в 30–х годах XVI в., в результате которого в тюрьме на Софийской стороне сгорело 145 арестантов («сто и полпятадесять человек»), «боголюбивый архиепископ Макарий повеле ископати *ров* у святого архангила Гавриила, конец Фревковы улицы... и погребоша их»²⁴.

Вместимость скудельниц–могил сопоставима со скудельницами–мертвецкими: в Пскове во время мора 1521–1522 гг. «в одну скудельницу людеи положиша 10000 и полторы тысячи»²⁵;

в 1553 г. в Пскове «с седмаго четверга октября до 7 числа положиша в скудельницу 4000 9–сот и покопаша, и после того в месяц и в 3 дни ноября до 9 числа положиша в новую скудельницу 2000 и 7–сот и покопаша., и в год положили в скудельницах 25.000 (полтретьядцать тысяч)»²⁶;

в голодный мор и поветрие 1570–1572 гг. в одну из скудельниц у церкви Рождества Христова в Новгороде свезли 10000 мертвых тел²⁷;

в «большие ямы» во время того же бедствия в Москве «сбрасывали... по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу»²⁸;

в голод 1601–1603 гг. в Москве в трех скудельницах похоронили 127000 «гладных», то есть умерших от голода²⁹.

В местоположении новгородских скудельниц прослеживается определенная закономерность. Только однажды в 20–х годах XV в. скудельницу–могилу выкопали в детинце «за святою Софею (у святей Софии, в святей Софеи)», «за олтарем»³⁰. Все остальные скудельницы располагались за пределами городской застройки: у церкви св. Апостолов в конце Прусской улицы, на поле в конце Чудинцевой и Легощей (Людогощей) улиц в районе Николаевского монастыря, вблизи церкви Рождества Христова на Красном поле³¹. По всей вероятности, это делалось для того, «чтобы тление от

²³ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 188.

²⁴ ПСРЛ, 1841. С. 199; Новгородские летописи. С. 125.

²⁵ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 613 (Далее – ПСРЛ, 1929); Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853. С. 281 (Далее – ПСРЛ, 1853).

²⁶ ПСРЛ, 1848. С. 308; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. V. СПб., 1842 (М., 1989). Стб. 123.

²⁷ ПСРЛ, 1841. С. 164; Новгородские летописи. С. 101.

²⁸ Источники истории. С. 465.

²⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 106, 254; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. СПб., 1843 (М., 1989). Стб. 35, 66.

³⁰ НПЛ. С. 414; ПСРЛ, 1925. С. 431; ПСРЛ, 1929. С. 605; Новгородские летописи. С. 50.

³¹ НПЛ. С. 69–71, 277, 279, 383, 460; Новгородские летописи. С. 255; Архимандрит Макарий (Миролюбов). Указ. соч. С. 161; Ласковский В.П. Указ. соч. С. 240–243; Петрова Л.Ю., Анкудинов И. Ю., Попов В.А., Силаева Т.В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 109–110.

множества трупов не заражало воздуха»³². Такая опасность была вполне реальна: так, Джером Горсей утверждал, что многие жители «городов и деревень», переселенные по приказу Ивана Грозного в Новгород с целью восполнить убыль населения в результате голодного мора и эпидемии, разразившимися в начале 70-х годов XVI в., «умерли от чумы, зараженные воздухом города, в который они попали»³³;

по свидетельству Авраамия Палицына, «аще бы не царским повелением» Бориса Годунова не очистили Москву от трупов «гладных» во время голода 1601–1603 гг., «но всяко бы от смрада мертвости... возмердился бы град царствующий, и негладныя от духу вси бы измирили»³⁴;

по мнению современников чума 1770 г. в Москве усилилась «до ужасающих размеров» вследствие того, что «вонь от разлагающихся трупов много способствовала распространению чумы»³⁵.

Очевидно, трупы, свезенные в скудельницы–покойницкие, в дальнейшем подлежали захоронению, так как в противном случае устройство таких сооружений теряло всякий смысл. Поэтому еще одним обязательным условием при выборе места для скудельниц, видимо, была их близость к месту будущего погребения.

Выбор места для скудельниц, поставленных в начале 30-х годов XIII в., не был случайным. Одна из них находилась вблизи церкви «святых Апостол, в яме, на Прусской улице»³⁶. По всей вероятности, именно эта «яма» упоминается в писцовых книгах конца XVI в.³⁷ При этом в одних изданиях слово «яма» напечатано с прописной буквы, то есть оно трактовалось буквально – как «впадина», «провал», «всякое углубленье» в земле³⁸, а в других – с заглавной. В таком варианте под «Ямой», очевидно, подразумевался топоним – название местности. Обычно природные урочища называли по характерным для них признакам. Топоним «Яма» и сменивший ее впоследствии сходный по смыслу топоним «Пропасти» однозначно указывают на существование в районе церкви св. Апостолов углубления, впадины, что подтверждается наблюдениями за современным рельефом и археологическими наблюдениями³⁹. Выяснить естественную или искусственной природу новгородской «Ямы» может

³² Снегирев И.М. Указ. соч. С. 251.

³³ Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 55.

³⁴ Сказание Авраамия Палицына. С. 254, 106.

³⁵ Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996. С. 406.

³⁶ НПЛ. С. 277, 279, 69–71; Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. С. 460.

³⁷ Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // Летопись занятий археографической комиссии за 1911 год. Вып. 24. СПб., 1912. С. 90–93; Бахрушин С.В. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 157; Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Составитель К.В. Баранов. СПб., 2001. С. 116.

³⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 677.

³⁹ Новгородские летописи. С. 234; Архимандрит Макарий (Миролюбов). Указ. соч. С. 159; Гневушев А.М. Новгородский дворцовый приказ в XVII в. (Краткий очерк деятельности приказа и документы). М., 1911. С. 132, 167; Майков В.В. Указ. соч. С. 90–93; Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 283, 323; Великий Новгород во второй половине XVI в. С. 115; Толстой М. Указ. соч. С. 98; Орлов С.Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Некоторые вопросы истории СССР. Т. I. Вып. 1. Новгород, 1965. С. 7–9; Он же. Топография Новгорода Великого. Ч. II (материалы археологических наблюдений). Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. Новгород, 1966. С. 76, 78, 80, рис. 1–ж.

помочь ее сравнение с местностью «Ямки» на окраине Коломны, упоминаемой в жалованной грамоте Ивана IV коломенскому епископу (1538 г.): коломенские «Ямки» представляли собой «район добычи глины», где находились «огромные ямы (традиционное место получения гончарного сырья)»⁴⁰. В Новгороде также были глиняные карьеры, называвшиеся «ямами глиняными», «глинищами» или просто «ямами»⁴¹. В Москве между улицами Маросейкой и Солянкой стояла церковь Преображения Господня, что «на Глинищах»⁴².

Существование в Новгороде ям, образовавшихся в результате добычи глины, косвенно доказывается наличием в непосредственной близости от «Ямы» урочищ «Лужа (Лужище)» на Добрыне улице и «Озерко» на соседней с ней Прусской улице⁴³. Происхождение названий этих топонимов становится понятным, если обратиться к материалам исследований новгородского гончарства. В окрестностях Новгорода существовало древнее поселение гончаров, располагавшееся в устье реки Пидьбы, где они обосновались еще в X – начале XII вв. и продолжали свою деятельность до 1815 г. На ситуационном плане этого селища, раскопанном в 50–х годах XX в., в нескольких метрах от берега Волхова обозначен пруд⁴⁴. Исследователь древнерусского гончарства А.А. Бобринский предположил, что этот водоем представлял собой «старый» глиняный карьер, затопленный грунтовыми водами⁴⁵. Вполне вероятно, что названия новгородских топонимов «Лужище» и «Озерко» происходят от искусственных водоемов, образовавшихся, как и пруд на Пидьбе, в результате естественного затопления поверхностными и грунтовыми водами глиняных ям–карьеров.

Традиционный характер разработок глины на периферии Софийской стороны подтверждается указом конца XVI в., в котором повелевалось новгородским «приказным людем и всем черным людем *глины не копати*» вокруг вала Окольного города «на рву», чтобы «дороги и рву не портити»⁴⁶. Прямое доказательство существования карьеров по добыче глины на северо–западной окраине Неревского конца Новгорода содержится в росписи 1693 г.: «Сад Духова монастыря, что остался от дачи стрелецких дворовых мест стольника и полковника Мирона Баишева, мерою сад в длину от Вяжицкого огорода до *глинных ям* 50 сажен, в другом конце поперег, *через ямы*, 25 сажен»⁴⁷. Возможно, одна из таких ям была зафиксирована С.Н. Орловым при археологических наблюдениях за земляными работам между

⁴⁰ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. С. 257–258; Табл. 5, 6, 14.

⁴¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1880/1989. С. 355; Он же. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 677; Воробьев А.В. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 244.

⁴² Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. С. 275.

⁴³ ПСРЛ, 1889. Стб. 177; Бахрушин С.В. Указ соч. С. 169; Анкудинов И.Ю. Писцовые описания Новгорода XVI в. // Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Составитель К.В. Баранов. СПб., 2001. С. 104.

⁴⁴ Бобринский А.А. Гончары–пидьбяне // Советская археология, 1959, № 1. С. 229. Рис. 2–с.

⁴⁵ Там же. С. 235, 238.

⁴⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 181.

⁴⁷ Воробьев А.В. Указ. соч. С. 244.

улицами Некрасова и Лермонтова, где в современном рельефе прослеживалось «значительное чашеобразное понижение площадью около 1,0 га (100 x 90 м)» и глубиной около 2 м, представлявшее собой «следы котлована от кирпичного и керамического производства, которое здесь было, судя по размерам кирпича, в XV–XVI вв., а по керамике – и раньше»⁴⁸. Еще один древний «котлован» С.Н. Орлов зафиксировал в районе церкви св. Апостолов между древними Прусской и Чудинцевой улицами⁴⁹, то есть в том районе, где по летописным сведениям располагались скудельницы.

Этнографическими исследованиями установлено, что вплоть до XIX–XX вв. особенностью домашнего и промышленного производства керамической посуды в России было использование залежей глины «в непосредственной близости от места производства»⁵⁰. Качественное глиняное сырье у новгородских гончаров залегало под ногами, так как культурные отложения на большей части древнего Новгорода подстилает мощный глиняный материковый слой. Видимо, центром глиняных разработок, где новгородцы издревле добывали глину для своих хозяйственных и производственных нужд, была местность в конце Чудинцевой и Легошей улиц, впоследствии названная «Ямой».

Таким образом, выбор участка для устройства скудельниц в урочище «Яма» мог быть обусловлен имевшимися здесь ямами, которые в начале XIII в. были использованы для захоронения тел погибших от голода новгородцев, предварительно свезенных в поставленные поблизости скудельницы. Это было особенно важно, учитывая физическое состояние, а также малочисленность тех, кому посчастливилось пережить голод.

Анализ летописных сведений убеждает в том, что скудельницы устраивали при ликвидации последствий таких чрезвычайных ситуаций как голод и эпидемия. Однако массовая гибель людей в результате таких бедствий не всегда была обязательным условием для учреждения скудельниц. Например, при опричном погроме Новгорода в 1570 г. было схвачено «игуменов и черных попов и диаконов и соборных старцев, изо всех Новгородских монастырей... числом *до пятисот человек... и болии*, и всех поставиша на правеж до государева приезде»; впоследствии по приказу Ивана Грозного они были казнены, но «убив их всех, повеле *когождо их во свой монастырь развозити и погребати*»⁵¹.

Кроме того, не всегда общие захоронения называли «скудельницами»: например, в 1508 г. при пожаре в саду на Никитиной улице собралось множество людей, искавших там спасения от огня, однако почти никому из них не удалось выжить: «...все лежат яко свинии обгореша, овому темя прогоре, а иному прогоре чрево, а у иных руки и ноги пригореша – и никто же может своего мертвеца познати, ни отец сына, ни мати дщери, ни брат брата, ни дщерь матери, ни сын отца»; тогда новгородский владыка

⁴⁸ Орлов С.Н. Топография Новгорода Великого. С. 144–145.

⁴⁹ Он же. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода. Рис. 1–ж.

⁵⁰ Бобринский А.А. Указ. соч. С. 237.

⁵¹ ПСРЛ, 1841. С. 256–257; Новгородские летописи. С. 338–340.

«повеле собрати сожженных и **ямы** сотворити», в которых было похоронено по разным данным 2314, 3315 или 5314 человек⁵².

Чтобы понять причины учреждения скудельниц необходимо рассмотреть особенности погребального обряда на всех этапах развития чрезвычайной ситуации.

До тех пор пока смертность во время голода или эпидемии лишь незначительно превышала обычный уровень, придерживались традиционной христианской погребальной обрядности. В древнерусское время закончить жизнь в «благочестии христианском» означало приобщение умирающего к Святым Христовым Таинствам (исповедь, причастие, соборование⁵³) и отпевание в церкви, иногда принятие монашеского пострига. На это обратили внимание иностранцы, посещавшие Россию. Например, по словам Петра Петрея (начало XVII в.) у русских «такой обычай, и они твердо верят, что тот, кто наденет перед смертью монашеское облачение, обретет вечное блаженство в раю»⁵⁴. Адам Олеарий (30–е годы XVII в.) свидетельствовал, что в России «некоторые богатые люди, находясь на одре болезни и замечая, что приходит время помирать, принимают причастие, а затем принимают монашеский чин, дают себя постричь, помазать и одевают монашеское одеяние»⁵⁵. Павел Алеппский (60–е годы XVII в.) рассказывая о традициях москвитов сообщал: «Подлинно, этот народ истинно христианский и чрезвычайно набожен, ибо, как только кто-нибудь, мужчина или женщина, заболит, то посвящает себя Богу: приглашает священников, исповедуется, приобщается и принимает монашество, (что делали) не только старцы, но и юноши и молодые женщины: все же свое богатство и имущество отказывает на монастыри, церкви и бедных»⁵⁶.

После смерти тело усопшего помещали в деревянный дощатый гроб или долбленную колоду, в каменный саркофаг или кирпичную цисту. Захоронение производилось в индивидуальной могильной яме на церковном кладбище или в церкви. В качестве исключения допускалось захоронение родственников в одной могиле.

На первых этапах развития голода или эпидемии старались придерживаться церковной традиции. Так, по словам летописца в начале эпидемии 1352–1353 гг. в Пскове «мнози идяху в монастыри, мужи и жены, и постригахуся в мнишьский чин и ангелскому чину сподобляхуся, тела и крове Христове причастившись, и тако в добром исповедании преставляхуся от сеа временныя жизни на он вечныи свет

⁵² ПСРЛ, 1885. С. 2, 287; ПСРЛ, 1925. С. 460–461, 469; ПСРЛ, 1929. С. 305, 548, 611; Новгородские летописи. С. 64–65, 125, 338–340.

⁵³ «Умирающим они дают причастие, не зажигая свечей, и последнее помазание елеем после того, как те исповедуются в своих грехах священнику» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 29).

⁵⁴ «Достоверная и правдивая реляция» Петра Петрея // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 177.

⁵⁵ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию. М., 1996. С. 326; Поссевино А. Указ соч. С. 29.

⁵⁶ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. М., 1897. С. 170.

к Богу, и душа своя предаша пришедшим по них ангелом, а телеса своя предаша гробу»⁵⁷. В «великий Ностасьиньскы мор» 1417–1418 гг. множество новгородцев «отъидоша житья сего в аггельском чину, от архиереи маслом мазавшимся»⁵⁸. В «Семеновский мор» 1465–1467 гг. «неисцетныя множаи» новгородцев «от большого възраста и до детищъ», готовясь к смерти, «восприяша ангельския образы, и маслом свящасяся, и тайны Христовы восприимше»⁵⁹. В XVI в. старец псковского Елезарова монастыря Филофей таким же образом описывал действия пораженных смертельной болезнью во время морового поветрия: «...яко приходит погрещение Божие бываемо с милостию, является знамя смертное на человецех дни за два или за три и болши, болящии же со истинным покаянием к Богу и причащением тела и крови Христове, со освящением масла, друзии же с великим сердечным желанием ангелскаго образа сподобляются, и от сея временныя и тленныя жизни на нетленную и безсмертную и безконечную ону жизнь преходят»⁶⁰.

Совершенно иная ситуация складывалась в случае массовой гибели населения от голода или болезни. Так, во время эпидемии («мор велик и страшен»), вспыхнувшей в 1362 г. в ордынском городе Бездеж, а затем перекинувшейся на Северо-Восточную Русь, «на всяк же день мнози умираху и толь множество их, яко *не успеваху живии мертвых погребати*. ...мерли люди по многу на день, по 20, по 30 на день, а иногда на день 60 или 70 человек, а иногда 100. А таковы дни были же, поболее ста на день человек умирало»⁶¹. В «великий Ностасьиньскы мор» смертность в Новгороде приняла столь массовый характер, что уже «*не успеваху живии мертвых опрятывати*» и совершить погребение «в день до захожения солнечнаго», так как «на всяк же день умираху толико, яко *не посневаху погребати их*»⁶². В моровое поветрие 1551–1553 гг. в Новгороде и «во всех 5 пятинах» Новгородской земли «на день мерло... человек по пол 200 и по 200»⁶³. Во время эпидемии 1711 г. «толикое множество помре людей во Пскове, яко *погребати не успеваху*, и на всяк день у всякой церкви погребут человек 40 или 50 или 60, а иногда и болше»⁶⁴.

При таких условиях происходило изменение традиционного христианского погребального обряда. Например, в Пскове во время морового поветрия 1352 г. «попове бо не можаху проводитьи по единому из дворов, за множество умирающих не успеющим бо им, но веляху комуждо мертвыя своя на церковный двор припроваживати; об ночь бо умершим, утре обреташеся до 30, или и боле скопится у

⁵⁷ ПСРЛ, 1915. С. 282–283.

⁵⁸ НПЛ. С. 408; ПСРЛ, 1841. С. 135; ПСРЛ, 1889. Стб. 164–165; Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 178–179 (Далее – ПСРЛ, 1921); ПСРЛ, 1925. С. 417.

⁵⁹ ПСРЛ, 1889. Стб. 221.

⁶⁰ Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 20–21.

⁶¹ ПСРЛ, 1841. С. 133; ПСРЛ, 1889. Стб. 91; ПСРЛ, 1915. С. 291.

⁶² НПЛ. С. 408; ПСРЛ, 1841. С. 135; ПСРЛ, 1889. Стб. 165; ПСРЛ, 1921. С. 178–179; ПСРЛ, 1925. С. 417; Новгородские летописи. С. 40–41.

⁶³ ПСРЛ, 1929. С. 622.

⁶⁴ ПСРЛ, 1841. С. 277.

единой церкви, а всем тем един провод, отпеваху надгробную песнь, токмо душевную молитву раздрешеную комуждо особь измолвливаху, или мужу, или жене, или детям»⁶⁵. По свидетельству Павла Алеппского в моровое поветрие 1654–1656 гг. умерших «не успевали погребать поодиночке», потому что оставшиеся в живых священники физически не могли обойти все дома с умирающими, «а потому больных стали привозить в повозках к церквам, чтобы священники их исповедовали и приобщили св. Таин» и «отпевали зараз многих», но и тогда «некоторые из них оставались под открытым небом, на холоде, по два и по три дня, за неимением, кто бы о них позаботился, по отсутствию родственников и семейных», а «обедня священника доходила до трех динаров (рублей) и больше, да и за эту цену не всегда можно было иметь»⁶⁶. Исключения делали только для высших светских и духовных сановников: например, индивидуальные похороны «со псалмы и песнями духовными» были организованы при погребении новгородского архиепископа Серапиона, скончавшегося в разгар эпидемии 1552 г.⁶⁷

В дальнейшем мог наступить момент, когда на церковных кладбищах уже не оставалось свободного места для новых могил, а люди продолжали умирать. Это обусловило переход от индивидуальных захоронений к общим: в 1341 г. в Пскове и Изборске в большом количестве от смертоносной язвы погибали «старья и младья люди, мужи и жены и малья дети; не бьяше бо где их погребати, все бо могилие воскопано бьяше по всем церквам; а где место въскоплют или мужу или жене, и ту с ним вложат малых детеи 7 и 8 во един гроб»⁶⁸;

во время эпидемии 1352 г. в Пскове по сведениям одних летописей «полагаху по три или по пяти мертвы в един гроб», согласно другим источникам – «также полагаху по пяти и по десяти во едину могилу», так как «негде бьяше погребати умрыших, все бо могылье вскопано бьяше, но и в подоле, и опричь церкви гробы ископываху и на целых местех възгребаху»⁶⁹;

в моровое поветрие 1364 г. на Северо–Востоке Руси в одних городах «два, три в едину могилу покладаху», в других – «погребаху же в едину яму 5 и 6 мертвых, а инде 10 и боле»⁷⁰;

в 1390 г. в Пскове «иде же выкопаша единому гроб, ту пятеро или десятеро вложиша во един гроб»⁷¹;

в псковский «мор Варламышской» 1466 г. также «полагаху бо во едину яму по пяти и по десяти»⁷²;

при осаде Новгорода великим князем в 1478 г. «бысть мор и глад силен», а умерших «мужей, жен и малых детей» хоронили следующим образом: «выкоплют яму одну, и в ту яму 2 или 3 или 10»⁷³.

⁶⁵ ПСРЛ, 1885. С. 223; ПСРЛ, 1889. С. 84; ПСРЛ, 1915. С. 283.

⁶⁶ Путешествие антиохийского патриарха... С. 171–172.

⁶⁷ ПСРЛ, 1841. С. 252; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 195.

⁶⁸ Псковские летописи. С. 19.

⁶⁹ ПСРЛ, 1885. С. 223; ПСРЛ, 1889. С. 84; ПСРЛ, 1915. С. 283.

⁷⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XV. М., 1863/1965. С. 77.

⁷¹ Псковские летописи. С. 24.

⁷² Там же. С. 72.

⁷³ ПСРЛ, 1853. С. 19, 217; Псковские летописи. С. 76.

В данной связи особый интерес представляют коллективные погребения, открытые на Троицком раскопе в Новгороде и скрупулезно изученные Д.В. Пежемским, который датировал их XVI – началом XVIII вв.⁷⁴ Две могильные ямы содержали «синхронные пачки» из 11 и 28 «штабелированных», плотно пригнанных друг к другу дощатых прямоугольных и антропоморфных гробов и колод, причем в некоторых из них были обнаружены дополнительные костяки, в том числе детские, помещенные в маленькие колоды. По мнению Д.В. Пежемского ряд признаков свидетельствует о том, что коллективные усыпальницы Троицкого раскопа следует «безоговорочно признать» перезахоронениями, совершенными во второй половине XVIII в. в ходе «крупных нивелировочных работ», проводившихся к югу от Кремля в начале 20–х годов XIX столетия в районе кладбища при церкви св. Василия Парийского. Между тем, подобная трактовка не убедительна, так как не указана причина, по которой на месте древнего некрополя был вырыт большой котлован, по «нехитрым вычислениям» самого Д.В. Пежемского площадью не менее 360 кв. м. Однако документальные подтверждения столь масштабного строительства в указанное время и в данном месте отсутствуют. Кроме того, в летописях сохранилось описание церемонии перезахоронения человеческих останков, случайно обнаруженных в середине XVI в. при земляных работах у Софийского собора в Новгороде, которая принципиально отличается от обряда коллективных погребений Троицкого раскопа: архиепископ Феодосий «*повеле... сделать един гроб бошой*, и выкопаша яму велику за олтарем Софии Премудрости божии и вкладоша телеса их *во един гроб*»⁷⁵. С другой стороны, обряд коллективных погребений Троицкого раскопа в деталях совпадает с практикой захоронений во время моровых поветрий во второй половине XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове:

- несколько костяков в одном гробу,
- совместные погребения взрослых и детей,
- более 10 захоронений в одной могиле.

Наличие отдельных скоплений костей между гробами и ящика–оссуария с разрозненными человеческими останками можно объяснить тем, что при выкапывании могильных ям под коллективные захоронения были повреждены более древние кладбищенские могилы, возможно, утратившие свои внешние признаки, при этом часть костей из разрушенных погребений собрали и перезахоронили в отдельном ящике.

Общие погребения Троицкого раскопа имеют сходство с коллективными «усыпальницами» из Киева и Успенского монастыря в Александровской слободе: по свидетельству И.М. Снегирева в них время от времени опускали уже отпетые «тела в гробах», но не закапывали до тех пор, пока могильная

⁷⁴ Пежемский Д.В. Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 149–152.

⁷⁵ Новгородские летописи. С. 79–80.

яма «вся наполнится гробами», после чего ее засыпали и ставили над ней крест⁷⁶. Можно предположить, что в древнем Новгороде сооружавшиеся во время голодного мора или поветрия коллективные могилы, наподобие тех, что изучены на Троицком раскопе, также заполняли гробами не сразу, а постепенно. При этом могильные ямы могли оставаться открытыми, может быть, их только присыпали землей. И только после того, как такая «усыпальница» заполнялась гробами до определенного уровня, ее окончательно зарывали.

Для общих могил, по-видимому, отводили строго определенный участок на окраине городских некрополей. Об этом свидетельствует тот факт, что, копая яму под одну из таких могил на кладбище у церкви св. Василия Парийского, изученную на Троицком раскопе, могильщики наткнулись на древнюю уличную мостовую, однако это их не остановило и не стало причиной переноса могилы в другое место, хотя им пришлось изрядно потрудиться, чтобы прорубить несколько ярусов деревянных уличных конструкций.

В случае длительного голодного мора или морового поветрия смертность увеличивалась, а численность дееспособного населения сокращалась: в «великий Ностасьиньскы мор» в Новгороде вымирали целыми семьями, так что «дворов много затвориша без люди», «во дворе ином един человек остана, а во ином два, а инде един детищ, и мнози дворы пусты быша»⁷⁷. Это приводило к тому, что, например, в голод 1230–1231 гг. в Новгороде «толико бе множество мертвых, *яко не бысть кому и погребати их*»⁷⁸; в моровое поветрие 1654–1656 гг. в Москве сложилась ситуация, когда «*мертвых погребать некому*»⁷⁹. Это подтверждается свидетельством Павла Алеппского, утверждавшего, что в то время «по отсутствию родственников и семейных» никто не забирал от церкви тела покойников, а по дорогам «люди мертвые лежали в повозках, и *некому было их хоронить*»⁸⁰.

Переход чрезвычайной ситуации в стадию гуманитарной катастрофы знаменовался тем, что мертвые тела оставались в тех местах, где людей настигла смерть: во время голода 1127–1128 гг. новгородцы «друг с другом падаше от глада, трупие по улицам, по торгу, по путем, всюду»⁸¹;

в голодный мор 1215–1216 гг. тела умерших также были разбросаны по всему Новгороду – «по торгу трупие и по улицам трупие»⁸²;

в 1230–1231 гг. Новгород вновь оказался завален телами погибших от голода – «мъртвыци по улицам и по тьргу и по мосту по великому»⁸³.

⁷⁶ Снегирев И.М. Указ. соч. С. 263.

⁷⁷ НПЛ. С. 408; ПСРЛ, 1925. С. 417; ПСРЛ, 1841. С. 135; ПСРЛ, 1889. Стб. 165; ПСРЛ, 1921. С. 179; Новгородские летописи. 1879. С. 41.

⁷⁸ НПЛ. С. 71, 279.

⁷⁹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1990. С. 606.

⁸⁰ Путешествие антиохийского патриарха... С. 171, 169.

⁸¹ НПЛ. С. 54, 71, 253, 279, 446.

⁸² НПЛ. С. 446, 54, 253; ПСРЛ, 1841. С. 128; ПСРЛ, 1848. С. 20; ПСРЛ, 1889. Стб. 48; ПСРЛ, 1915. С. 185; ПСРЛ, 1917. С. 184.

Неубранные разлагавшиеся трупы создавали невыносимые условия для оставшихся в живых: например, в голод 1127–1128 гг. в Новгороде «поеже бы смрады», что «нелзе вылести»⁸⁴;

в 1158 г. в Новгороде также невозможно было оставаться «смрада ради мертвых»⁸⁵;

по свидетельству Павла Алеппского в Москве во время эпидемии 1654–1656 гг. «город наполнился смрадом от трупов, которые даже поедали собаки и свиньи»⁸⁶.

На такой стадии развития чрезвычайной ситуации, а также при ликвидации ее последствий от невостробованных мертвых тел избавлялись, бросая их в реки, крепостные рвы, вывозили из города, оставляя на поверхности без погребения: во время голодного мора 1127–1128 гг. тела погибших от голода новгородцев вывозили «из города», однако в летописях ничего не сказано об их захоронении⁸⁷;

в 1158 г. разлагавшиеся трупы людей и животных в Новгороде были разбросаны «по гребли», то есть в районе оборонительного рва, и «на поле»⁸⁸;

аналогичная ситуация, когда «трупие по полю лежаху», отмечена летописцем при описании голода 1215–1216 гг., причем мор затронул не только Новгород, но всю новгородскую землю, где, также «по градом, и по властем, и по селом, и по подем и по всем местом лежаху мертвии»⁸⁹;

в начале XVI в. старец псковского Елизарова монастыря Филофей упрекал дьяка Михаила Мунехина, что во время мора «мертвых телеса из града далече измещете», видимо, скрывая таким образом то, что погибших не хоронили⁹⁰;

в середине того же столетия умерших в эпидемию псковичей «положили... по буюм не вем колко числом»⁹¹; Н.М. Карамзин трактовал это таким образом, что мертвые тела оставляли без погребения «тайно в лесу и в оврагах»⁹²;

польские послы, покинувшие Москву в разгар голода 1570 г., на своем пути видели «в поле вокруг Москвы, в столице и других городах, во многих деревнях... множество брошенных мертвых тел»⁹³;

после набега крымского хана Девлет Гирея в 1571 г., во время которого была полностью сожжена Москва и в «сильном огне» по данным современников «сгорело, задохнулось и погибло» свыше

⁸³ НПЛ. С. 71, 279; ПСРЛ, 1856. С. 137; ПСРЛ, 1885. С. 101–102; ПСРЛ, 1889. Стб. 50; ПСРЛ, 1915. С. 211; ПСРЛ, 1917. С. 205; ПСРЛ, 1949. С. 125; Псковские летописи. С. 11; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 275.

⁸⁴ НПЛ. С. 22, 206; ПСРЛ, 1848. С. 3; ПСРЛ, 1862. С. 156; ПСРЛ, 1915. С. 144; ПСРЛ, 1917. С. 146; ПСРЛ, 1929. С. 585.

⁸⁵ НПЛ. С. 30, 217; ПСРЛ, 1841. С. 125; ПСРЛ, 1929. С. 588; Новгородские летописи. С. 8.

⁸⁶ Путешествие антиохийского патриарха... С. 172.

⁸⁷ НПЛ. С. 22, 206; ПСРЛ, 1848. С. 3; ПСРЛ, 1915. С. 144; ПСРЛ, 1917. С. 146; ПСРЛ, 1929. С. 585.

⁸⁸ НПЛ. С. 217, 30; ПСРЛ, 1841. С. 125; ПСРЛ, 1929. С. 588; Новгородские летописи. С. 8.

⁸⁹ ПСРЛ, 1885. С. 68.

⁹⁰ Дополнения к актам историческим... С. 20.

⁹¹ ПСРЛ, 1848. С. 308. Здесь под «буем», вероятнее всего, следует понимать «возвышенное, открытое кругом место; пустырь на возвышении» или «простор за околицей, что не запахивается» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. С. 138).

⁹² Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. СПб., 1842 (М., 1989). Стб. 123.

⁹³ Скрынников Р.Г. Указ соч. С. 110.

120000 человек, «считая одних только именитых, без простых мужчин, женщин и детей, без бедных крестьян и сельского населения», Иван Грозный «приказал бросить все тела в Московский ручей и предоставить их течению»⁹⁴;

новгородцев, погибших в результате морового поветрия в 70-х годах XVI в., «у церквий погребати не велели и велели их из Новагорода выносить вон, за город, в деревню Водопияново, за шесть верст, по Волхову вниз, Спаского монастыря Хутынского не доеждаючи за версту»⁹⁵. И здесь о погребении ничего не сказано, а это заставляет предполагать, что прах умерших не был предан земле.

Объяснение приведенным фактам следует искать в далеком прошлом. В России вплоть до XIX – начала XX вв. сохранялись языческие представления о «мертвяках», то есть погибших «напрасно» в результате несчастного случая, внезапной или насильственной смерти, а также самоубийц, опойц, людей неправославной веры⁹⁶ и др., которые рассматривались как «нечистые, недостойные уважения.., а часто даже вредные и опасные»; их относили к низшим представителям нечистой силы или к находящимся в ее власти; верили, что погребение «мертвяков» оскверняет землю и губит урожай⁹⁷; поэтому их не погребали на кладбищах, а бросали в болота, пруды, озера, мочажины и овраги, оставляли на границах полей, перекрестках дорог, в глухих местах, забрасывая ветками или помещая (NB) *внутри столбовых оградок*⁹⁸.

После принятия христианства умерших «напрасной» смертью по-прежнему воспринимали как «нечистых», но теперь уже потому, что их уход из жизни не сопровождался приобщением к святым Христовым Таинствам – исповеди, причастию и соборованию⁹⁹. Например, по свидетельству Джильса Флетчера, посетившего Россию в 1588 г., русские «считают за великое наказание и гнев Божий, если кто умрет без соборования»¹⁰⁰. По словам Адама Олеария «те, кто нарушили присягу, кто совершили

⁹⁴ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 55.

⁹⁵ ПСРЛ, 1841. С. 169.

⁹⁶ Например, по свидетельству Генриха Штадена (XVI в.), после одного из сражений с крымскими татарами «все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам» (Источники истории. С. 485).

⁹⁷ Показательна история с захоронением останков Лжедмитрия I в изложении иностранцев: «После того как все увидели его конец, повезли его на телеге на заброшенное кладбище и там зарыли. Но спустя два дня после его погребения ударил сильный мороз, и тогда люди пошли к ныне правящему великому князю Василию Ивановичу и покорно попросили разрешения зарыть еретика и изменника в другом месте, сказав, что большой мороз, погубивший урожай, случился от того, что Бог разгневался и захотел наказать их за то, что они закопали Гришку в освященной земле, а он этого недостойн, так как отрекся от греческой религии и распространял римскую. Чтобы успокоить народ, Шуйский приказал выкопать его тело и вывезти из города на неосвященную землю, что сразу и было исполнено. После чего разожгли костер, бросили его туда и сожгли дотла, а прах развеяли по ветру, чтобы он унес прочь весь яд, который распространял Гришка» («Достоверная и правдивая реляция»... С. 189–190; Сказание президента Де-Ту о Димитрии Самозванце // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. СПб., 1837. С. 167–168).

⁹⁸ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916. С. 1–3, 53–57.

⁹⁹ Путешествие антиохийского патриарха... С. 170.

¹⁰⁰ Дж. Флетчер. О государстве Русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемом царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1906. С. 110.

убийство и покаялись или же совершили еще иные крупные грехи, – которым причастие не дается даже вплоть до смертного одра их»¹⁰¹.

В категорию тех, кто не был достоин быть погребенным наравне со всеми, причисляли также умерших во время голодных моров и моровых поветрий, если их не успевали, как того требовалось «по святым правилом», «по закону погresti», то есть «в благочестии христианском и совершении церковных таинств»¹⁰². Например, в моровое поветрие 1654–1656 гг. «москвичи жаловались патриарху Никону, что в Москве «православные христиане умирают без покаяния и причастия»¹⁰³. Павел Алеппский утверждал, что «величайшим гневом Божиим» русские считали, когда во время голода «многие умирали без исповеди и принятия св. Таин»¹⁰⁴.

Однако согласно христианским воззрениям, человеческое тело есть освященный Божественной благодатью «сосуд скудельный», вместилище бессмертной души¹⁰⁵. Поэтому Церковь учила, что погребение в земле праха всех верующих во Христа независимо от обстоятельств, ставших причиной их смерти, не только обязанность, но духовная потребность каждого христианина. Например, ветхозаветный праведник Товит удостоился похвалы Ангела Господня за то, что, погребал тела иудеев, погибших в результате гонений ассирийского правителя, рискуя навлечь на себя монарший гнев: «Когда ты похоронил мертвых, я был с тобою. И когда ты не обленился встать и оставить обед свой, чтобы пойти и убрать мертвого, твоя благотворительность не утаилась от меня, но я был с тобою»¹⁰⁶. Преподобный Маркиан, пресвитер св. Софии Константинопольской († около 472–474 гг.), «хождаше нощию по улицам, и идеже аще обреташа мертва лежаща омываше его и облачаше. Глагола же мертвецу: «Восстани, брате, целуемся». И восставше мертвец по словеси святаго, даваше ему лобзание во уста и паки почиваше»¹⁰⁷. Новгородский епископ Нифонт в XII в. наставлял Кирика, иеромонаха и domestика (руководитель церковного хора) Антониева монастыря: «Оже кости мертвых валяются где, то велика человеку тому мзда, оже погребуть их»¹⁰⁸. В переводе Сигизмунда Герберштейна эта фраза звучит еще более определенно: «Весьма велика заслуга того, кто хранит или погребает кости умерших»¹⁰⁹. В поучениях новгородского архиепископа Ильи–Иоанна (XII в.), в «Слове о маловерии» владимирского епископа Серапиона (XIII в.), в «Правиле» митрополита Кирилла (XIII в.), в посланиях митрополита Фотия (1410 и 1416 гг.), преподобного Максима Грека (XV–XVI вв.), новгородского

¹⁰¹ Адам Олеарий. Описание путешествия... С. 326.

¹⁰² Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права (памятники XI–XV в.). Т. VI. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 379.

¹⁰³ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1990. С. 606.

¹⁰⁴ Путешествие антиохийского патриарха... С. 170.

¹⁰⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. С. 35.

¹⁰⁶ Товит, 1, 17; XII, 12–13.

¹⁰⁷ Ростов Димитрий. Минея Четья. Ианнуарий. М., 1897. С. 181–182.

¹⁰⁸ Русская историческая библиотека. Стб. 37.

¹⁰⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 97.

митрополита Макария (1661 г.), патриархов Филарета (1619 г.) и Адриана (1697 г.) и др. на ослушников светских и церковных законов вводились ограничения при совершении над ними обряда погребения, в частности, таковых следовало хоронить «в пусе месте», вне кладбища, «опречь Божия церкви», но при этом необходимость предания земле их останков не ставилась под сомнение¹¹⁰. Это требование распространялось и на тех, кто «аще по греху умрет и напрасно, а не от своих рук»¹¹¹.

По мнению И.М. Снегирева именно «христианское милосердие» было причиной учреждения скудельниц: он «без сомнения» утверждал, что скудельницы «началом своим» в России «обязаны Христианству, приняты церковию нашею, вероятно, вскоре по принятии от Греков православной Веры», а первые скудельницы появились в Новгороде при архиепископе Спиридоне в 1230 г.¹¹² Однако самое раннее известие о скудельницах связано с голодным мором середины 10-х годов XIII в., когда архиепископскую кафедру в Новгороде занимал Антоний – в миру Добрыня Ядрейкович, оставивший заметный след в духовной жизни Новгорода: он дважды совершил паломничество в Константинополь и привез в Новгород «Гроб Господень» – каменный саркофаг, установленный в Софийском соборе и ставший одной из особо почитаемых святынь; по велению Антония были построены церкви св. Антония Великого и св. Варвары; о высокой образованности Антония свидетельствует то, что ему приписывают авторство «Книги Паломник (Сказание мест святых во Царьграде)» – одного из первых русских сочинений в этом жанре; предполагают, что Антоний участвовал в редактировании Новгородской первой летописи; новгородцы трижды избирали Антония на архиепископскую кафедру, причем в последний раз даже, несмотря на тяжкую болезнь, поразившую его в конце жизни¹¹³. Психологический

¹¹⁰ Русская историческая библиотека. Стб. 95–96, 276, 285, 370–371, 379, 860–861, 864, 869; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841. С. 46; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. С. 298; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. I (1294–1598). СПб., 1836. С. 462; Снегирев И.М. Указ. соч. С. 247–249; Скворцов Н.А. Архив Московской Святейшего Синода конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. Вып. I. М., 1911. С. 31–32; Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. С. 56, 59–60.

¹¹¹ Русская историческая библиотека. Стб. 379. Новгородскому митрополиту Варлааму 30 сентября 1598 г. была послана грамота, в которой специально указывалось на необходимость погребения погибших не своей смертью: «...а случитца у митрополита и у его людей и у крестьян в Новгороде и в Ноугородцком уезде, и на Луках Великих, и в пригородех тех городов, и в селех и в деревнях, и в иных городех душегубство безхитростно, или кто их убитою головою подкинет, или кого гром убьет, или кто с древа убьетца, или кого деревом убьет, или кого зверь съест, или кто озябнет, или возом сотрет, или в воде утонет, или утопленника водою принесет, или кто сгорит, или кто от своих рук пойдет, и бояре наши и конюшие и наместники Ноугородцкие и Великолуцкие, и пригородские воеводы наши, и дьяки, и судьи, и волостели, и их тиуны продажи им в том некоторые не чинят и езду не емлют, а осматривати велят их и хоронити безпенно» (Дополнения к актам историческим... С. 252). Впоследствии эта грамота была подтверждена 6 августа 1623 г.: «А случитца у Митрополита, и у его людей и у крестьян, в Новгородеи в Новгородском уезде, и на Луках Великих, и на Колмогорах, и в Каргополе, и на Ваге, и в Турчасове, и в иных городех, в селех и в деревнях, душегубство безхитростно, или кто убитою головою подкинет, или кого гром убьет, или деревом убьет, или кого зверь съест, или кто озябнет, или кого возом сотрет, или в воде утонет, или утопленника водою принесет, или кто сгорит, или от своих рук утерается, и бояре наши, и конюшие, и дворецкие, и наместники Ноугородские, и Великолуцкие, и пригородские, и воеводы, и дьяки, и судьи, и волостели, и их тиуны, продажи им некоторые не чинят и езду и веры не емлют; а осматривати и хоронити велят их безпенно» (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. III (1613–1645). СПб., 1836. С. 198).

¹¹² Снегирев И.М. Указ. соч. С. 252, 260.

¹¹³ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. С. 72–73, 82, 242, 531.

портрет Антония можно дополнить тем, что во время его святительства на Ярославовом дворище «сожъгоша волхвов 4, творяхут их потворы деюще», причем для современников их вина не была очевидной: как заметил летописец, «а то бог весть»¹¹⁴. Опираясь на свой духовный авторитет среди новгородцев, Антоний мог начать борьбу с языческим культом «нечистых» покойников. Для ответа на вопрос о том, почему он учредил скудельницы, как промежуточный пункт при погребении умерших, не приобщившихся к церковным таинствам, нет достаточных оснований. Но, как известно, Церковь признавала некоторые языческие обычаи, приспособлявая их к христианскому вероучению. Возможно, действуя в этом направлении, Антоний пытался сблизить христианский погребальный обряд с языческим способом захоронения умерших преждевременной смертью, продолжавшим бытовать даже в начале XVI в., который обличал Максим Грек: «...тела утопленных или убиенных и поверженных не сподобляюще я погребанию, но на поле извлекше их, *отыняем колим*»¹¹⁵. Сходство этого действия с новгородскими скудельницами–мертвецкими XIII в. очевидно. Однако вопрос о том, был ли обряд помещения мертвого тела внутри оградки из кольев первичным или вторичным по отношению к скудельницам, остается открытым. Вместе с тем необходимо отметить, что при раскопках восточнославянских курганов, датируемых временем до принятия христианства, были обнаружены так называемые «погребальные оградки» из вертикальных деревянных кольев¹¹⁶. Аналогичные погребальные сооружения известны также у других народов¹¹⁷.

В 30–х годах XIII в. архиепископ Спиридон, сменивший Антония на новгородской кафедре, продолжил начинание своего предшественника и организовал скудельницы для сбора в них останков новгородцев, погибших во время голода и не приобщившихся перед смертью к церковным таинствам. Не исключено, что выбирая место для их упокоения, он не случайно остановил свой выбор на урочище «Яма», где добывали глину для гончарного производства, и руководствовался при этом не только духом, но и буквой Священного писания. В историографии признано, что термин «скудельница» является производным от «села скудельнича», этимология которого имеет прямое отношение к гончарному ремеслу. В Евангелии от Матфея (Матф., XVII, 7) повествуется о том, как 30 сребреников, полученных Иудой за предательство Христа, были истрачены на богоугодное дело: «Купиша им *село скудельниче* в погребание странным»¹¹⁸. В современном переводе эта фраза звучит несколько по-иному: «Купили на них *землю горшечника*, для погребения странников». Оба варианта не противоречат один другому, так как «селом» называли не только земледельческое поселение, но также «землю», «поле», «участок земли с разными угодьями», при этом одно из значений прилагательного

¹¹⁴ НПЛ. С. 65, 270.

¹¹⁵ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. С. 58.

¹¹⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1982. С. 96, 105, 139.

¹¹⁷ Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С. 196.

¹¹⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. С. 35.

«скудельный» – «глиняный, из глины или взятый от земли», а существительного «скудельник» – «горшечник, гончар»¹¹⁹. Поэтому многие исследователи интерпретировали «село скудельниче» как «земельный участок, принадлежащий скудельнику (гончару)»¹²⁰. Видимо, ближе всех к пониманию смысла евангельского «села скудельнича» приблизился И.М. Снегирев, интерпретировавший его как место, где добывали сырье для производства глиняной посуды, отведенное «в погребание странным (τοις ξένοις), то есть Иудеям, приходившим в Иерусалим на поклонение Богу из отдаленных стран и, при внезапной смерти своей, не имевшим места для погребения; ибо жители Иерусалимские не допускали хоронить их на своих общих кладбищах»¹²¹. В данной связи следует заметить, что в Юго–Восточной Европе погребения в ямах, оставшихся от добычи глины, датируются эпохой неолита¹²².

В источниках и научной литературе способ захоронения в скудельницах–могилах не освещен. В качестве курьеза можно упомянуть только бездоказательное утверждение новгородского краеведа В.П. Ласковского¹²³, будто в голодный мор «близ церкви 12 апостолов, были вырыты большие ямы – «общие скудельни», по бокам которых стояли скамьи, и «на них ложились умирающие новгородцы..., умирали... и скатывались в ямы, которые и зарывались»¹²⁴.

В самом начале чрезвычайных ситуаций какое–то время, соблюдая христианскую традицию, продолжали хоронить покойников в гробах. Так, в конце XI в. во время мора в Полоцке некто «глаголаху продающеи гробы: «яко от Филипова заговенья до мясопуста великого 7000 гроб продахом»¹²⁵. Однако по мере увеличения смертности гробы становились дефицитом: например, по словам Павла Алеппского в одно из повестрий «по недостатку гробов, за неимением, кто бы привозил их из деревень, цена их, бывшая прежде меньше динара (рубля), стала семь динаров, да и за эту цену, наконец, нельзя было найти»¹²⁶. Поэтому приходилось хоронить умерших без гробов: так, в общей могиле на кладбище церкви св. Ипатия на улице Рогатице в Новгороде между двумя погребениями в колоде и гробу обнаружили «скелет, который был закрыт сверху листьями бересты»¹²⁷.

По сведениям иностранных источников после того, как смертность принимала массовый характер, мертвых хоронили в общих могилах, вероятно, скудельницах «без гробов», иногда «завертывали в белые саваны» («в белое полотно») и обували в красные башмаки, а «бедных зарывали

¹¹⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 172, 212; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1903. Стб. 329; Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. С. 273; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1999. С. 47.

¹²⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 212; Преображенский А.Г. Указ. соч. С. 314; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. С. 35.

¹²¹ Снегирев И.М. Указ. соч. С. 238.

¹²² Бочваров К.Е. Неолитические захоронения в сосудах из Юго-Восточной Европы: возникновение обряда // Краткие сообщения института археологии. Вып. 224. М., 2010.

¹²³ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. С. 262.

¹²⁴ Ласковский В.П. Указ. соч. С. 142.

¹²⁵ ПСРЛ, 1949. С. 15.

¹²⁶ Путешествие антиохийского патриарха... С. 171.

¹²⁷ Орлов С.Н. Топография Новгорода Великого. С. 379.

просто в платье» и «сваливали их в могилу в одежде»¹²⁸. По сведениям П.Л. Гусева – знатока топографии, истории и культуры древнего Новгорода¹²⁹ – в часовне при церкви св. Георгия на Торгу хранилась икона св. Симеона, обрамленная «с боков и снизу» клеймами, иллюстрировавшими «последовательно перепитии» «Семеновского мора» в Новгороде; на одном из таких клейм, по всей видимости, где-то на окраине города в районе Рождественского монастыря на Михалице (Молоткове) «показано несколько церквей, условного вида и расположения, и между ними ряд умерших граждан, для наглядного впечатления великого мора»¹³⁰. Примечательно, что тела как-будто завернуты в ткань или бересту, виднеются одни лишь головы. Возможно, иконописец изобразил таким образом скудельницу (мертвецкую или могилу).

Сведения письменных источников подтверждаются археологическими материалами: в XIX в. при земляных работах в районе Духова монастыря, видимо, наткнулись на скудельницу, в которой было «найденно множество тел, обвернутых в бересту»¹³¹;

в ходе археологических наблюдений С.Н. Орлова за культурными отложениями на окраине Неревского конца и на Торговой стороне вблизи церкви Рождества Богородицы на Михалице были зафиксированы общие захоронения без гробов в виде беспорядочного скопления большого количества человеческих костей¹³²;

в юго-западной части кладбища при церкви Рождества Христова, видимо, там, где находились летописные могилы-скудельницы, могильщикам попадалось «такое множество костей, что когда случается поблизости рыть могилу, то кости обнажаются целыми пластами и их приходится выгребать вилами»¹³³.

В самом начале мора, вызванного голодом или эпидемией, погребением умерших занимались родственники и друзья покойных или наемники за плату¹³⁴. По мнению И.М. Снегирева похороны в скудельницах устраивались «большой частью церковной и светской администрацией»¹³⁵. В 20-х годах XII в. для ликвидации последствий голодного мора в Новгороде некто «наяша намитов возити мертвых из города», то есть добровольцев, работа которых, по всей вероятности, оплачивалась¹³⁶. Архиепископ

¹²⁸ Источники истории. С. 465; Россия начала XVII в. С. 188; «Московская хроника» Конрада Буссова. Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 266; Путешествие антиохийского патриарха... С. 171.

¹²⁹ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. С. 146.

¹³⁰ Гусев П.Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории. Вып. XIII. СПб., 1900. С. 40; Рис. XVI.

¹³¹ Неронов И. Трое суток в Новгороде. СПб., 1842. С. 59.

¹³² Орлов С.Н. Топография Новгорода Великого. С. 193–194; 266–267.

¹³³ Ласковский В.П. Указ. соч. С. 243.

¹³⁴ ПСРЛ, 1889. С. 84–85; ПСРЛ, 1915. С. 283–285.

¹³⁵ Снегирев И.М. Указ. соч. С. 260; Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественно смертию, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 252; Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996. С. 356.

¹³⁶ НПЛ. С. 206, 22.

Спиридон во время голодного мора для очистки Новгорода от трупов «пристави мужа блага и смирена, именем Станилу, брат Домажиров, иконного писца, возити мертвеца на кони, где обоидуще по граду; и тако по вся дни влачиша бес престани»¹³⁷. Примечательно, что в летописи отсутствует указание на то, что Станила получил за свою работу материальное вознаграждение.

Подсчеты количества новгородцев, погибших во время некоторых моровых поветрий с точностью до одного человека, скорее всего, свидетельствуют о том, что их погребением занимались могильщики по найму, которым платили некую сумму денег за определенное количество захороненных ими трупов¹³⁸. Это подтверждается тем, что по распоряжению князя Дмитрия Ивановича при погребении тел москвичей, убитых при взятии города Тохтамышем в 1382 г., «даваста от 80 мертвецев по рублю тем, иже хороняху мертвыя»¹³⁹.

В Пскове во время одной из эпидемий XVI в. вывозом из города трупов, видимо, руководил дьяк Михаил Мунехин¹⁴⁰.

Для погребения тысяч тел москвичей, погибших при набеге крымского хана в 1571 г., «за удесятеренную сумму нельзя было найти людей для погребения», а после того, как трупы начали сбрасывать в Москва–реку, «к великому князю были посланы со всех концов люди с просьбой выловить мертвые тела из воды и погребать оставшихся»¹⁴¹.

В псковской писцовой книге 1585–1587 гг. упоминаются лавки «скуделных старцов», под которыми, видимо, следует понимать иноков, служивших при скудельнице¹⁴². Примечательно, что в «северном» (новгородском) великорусском наречии «могильщика, кладбищенского сторожа» называли «скудельником»¹⁴³. В данной связи следует вспомнить новгородского «нищего старца» Ивана Жегалцо, что «в скуделницах погребает», который «был на провоженьи», то есть участвовал в похоронах новгородцев, погибших во время голода и мора в 70–х годах XVI в.¹⁴⁴ И.М. Снегирев поставил его в один ряд с «труждающимися» («тружениками»), то есть подвижниками, что добровольно «обрекали себя на погребание усопших собратий своих» – киевским св. угодником Марко гробокопателем и новгородским иконописцем Станилой¹⁴⁵.

В начале XVII в. Борис Годунов для ликвидации последствий голодного мора «учреди» и «избра» неких «людей, кому те трупы збирати», и «повеле им мертвых телеса опрятovati, и погребати»¹⁴⁶.

¹³⁷ ПСРЛ, 1915. С. 210.

¹³⁸ ПСРЛ, 1925. С. 468–469, 460; Архимандрит Макарий (Миролюбов). Указ. соч. С. 139.

¹³⁹ Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. С. 483.

¹⁴⁰ Дополнения к актам историческим. С. 20.

¹⁴¹ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал, кн. 8. Пг., 1922. С. 54.

¹⁴² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. С. 35.

¹⁴³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 212.

¹⁴⁴ Новгородские летописи. С. 101.

¹⁴⁵ Снегирев И.М. Указ. соч. С. 236.

¹⁴⁶ ПСРЛ, 1921. С. 55.

По мнению Н.М. Карамзина этим занимались судебные приставы¹⁴⁷. Иностранные авторы, очевидцы тех событий, свидетельствовали, что подбирать «мертвых на улицах и дорогах» тогда «были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле», причем «о саванах для погребения» и захоронением тел погибших от голода «заботились по приказу и на средства императора»¹⁴⁸.

По свидетельству Павла Алеппского тела погибших в моровое поветрие свозили к общим могилам «в повозках мальчишки, сидя верхом на лошади, одни, без своих семейных и родственников, и сваливали их в могилу»¹⁴⁹.

Подводя общие итоги, следует отметить, что обязательным условием для устройства скудельниц было наличие большого количества никем невостребованных мертвых тел умерших от голода или в результате эпидемии людей, не успевших перед смертью приобщиться к святым христианским таинствам. В этом заключается «идеологическое» отличие скудельниц от общих (братских) могил, в которых также хоронили погибших во времена чрезвычайных ситуаций.

Первые скудельницы в Новгороде, по всей вероятности, были учреждены архиепископами Антонием и Спиридоном при ликвидации последствий голодных моров в 10–х и 30–х годах XIII в. Эти скудельницы первоначально служили в качестве временных мертвецких (моргов) и представляли собой огороженные участки. Впоследствии скудельницами стали называть общие (братские) могилы, которые после заполнения их трупами закапывали. Нередко такие погребения образовывали кладбища (скудельни), при которых основывали монастыри¹⁵⁰, ставили церкви и часовни, также иногда называвшиеся «скудельницами».

Археологическими признаками скудельниц–могил являются:

- местоположение за пределами городской застройки вблизи монастыря или церкви;
- могильная яма в виде траншеи;
- присутствие в могиле останков многих десятков и сотен людей, залегающих в относительно правильном анатомическом порядке, в несколько ярусов, между которыми возможно наличие грунтовых прослоек;
- отсутствие деревянных гробов или колод, при этом костяки могут быть обернуты берестой или тканью.

Древнерусские скудельницы–могилы имеют сходство с некоторыми коллективными захоронениями средневековой Западной Европы, которые до XIII в. «рыли во времена голода», но особенно они «вошли в обычай в связи с эпидемиями чумы, опустошавшей города, уже раздувшиеся от

¹⁴⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. Стб. 66.

¹⁴⁸ Масса Исаак. Указ. соч. С. 59; Россия начала XVII в. С. 188.

¹⁴⁹ Путешествие антиохийского патриарха... С. 170–171.

¹⁵⁰ ПСРЛ, 1925. С. 451–452; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 212.

переизбытка населения вследствие демографического подъема XIII в.», так как было «невозможно хоронить каждый труп отдельно из-за большого числа мертвецов»; одновременно могло быть несколько таких могил, представлявших собой «колодцы» размерами 5 х 6 м, каждая из которых вмещала 6, 30–40, до 500–600 и даже до 1200–1500 трупов; общие могилы заполняли мертвыми телами постепенно, причем их «лишь слегка присыпали сверху землей»; могилы оставались в открытыми в течение «нескольких месяцев или лет», пока не «наполнялись доверху, и тогда их закрывали и рыли другие, тут же в стороне»¹⁵¹.

В XVII в. устраивавшиеся в России от случая к случаю временные скудельницы сменили функционировавшие уже на постоянной основе «Убогие дома» («Божьи дома», «Божедомки»), окончательно упраздненные в начале царствования Екатерины II¹⁵². Но это – тема отдельного исследования.

Источники:

1. Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию. М., 1996.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. I (1294–1598). СПб., 1836.
5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. III (1613–1645). СПб., 1836.
6. Анкудинов И.Ю. Писцовые описания Новгорода XVI в. // Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Составитель К.В. Баранов. СПб., 2001.
7. Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. СПб., 1860 (М., 2003).
8. Бахрушин С.В. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930.
9. Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Составитель К.В. Баранов. СПб., 2001.
10. Воробьев А.В. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961.
11. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
12. Гневушев А.М. Новгородский дворцовый приказ в XVII в. (Краткий очерк деятельности приказа и документы). М., 1911.
13. Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.

¹⁵¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 82.

¹⁵² Снегирев И.М. Указ. соч. С. 254.

14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1880/1989.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1880/1989.
16. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1882/1991.
17. Дж. Флетчер. О государстве Русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемом царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1906.
18. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846.
19. «Достоверная и правдивая реляция» Петра Петрея // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989.
20. Источники истории. Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). Альбрехт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005.
21. Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // Летопись занятий археографической комиссии за 1911 год. Вып. 24. СПб., 1912.
22. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
23. «Московская хроника» Конрада Буссова // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
25. Новгородские летописи. СПб., 1979.
26. Опись Новгорода 1617 года. М., 1984.
27. Орлов С.Н. Топография Новгорода Великого. Ч. II (материалы археологических наблюдений). Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. Новгород, 1966.
28. Полное собрание русских летописей. Т. III. СПб., 1841.
29. Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1848.
30. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915.
31. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. II. Вып. 1. Пг., 1917.
32. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Л., 1925.
33. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929.
34. Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853.
35. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. М., 2000.
36. Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856.
37. Полное собрание русских летописей. Т. X. СПб., 1885.
38. Полное собрание русских летописей. Т. XV. М., 1863/1965. С. 77.
39. Полное собрание русских летописей. Т. XVI. СПб., 1889.

40. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Пг., 1921.
41. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л., 1949.
42. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922.
43. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
44. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1959.
45. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
46. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. М., 1897.
47. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
- Ростов Дмитрий. Миняя Четья. Ианнуарий. М., 1897.
48. Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права (памятники XI–XV в.). Т. VI. Ч. 1. СПб., 1908.
49. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
50. Сказание президента Де-Ту о Димитрии Самозванце // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. СПб., 1837.
51. Скворцов Н.А. Архив Московской Святейшего Синода конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. Вып. I. М., 1911.
52. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1999.
53. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. М., 2000.
54. Служба всем святым в земле Русской просиявшим. Канон, песнь 7, троп. 4.
55. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1903.
56. Товит, 1, 17; XII, 12–13.
57. Флетчер Дж. О государстве Русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемом царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб., 1906.

Библиография:

1. Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология, 1974, № 3.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
3. Бобринский А.А. Гончары–пидьбляне // Советская археология, 1959, № 1.
4. Бочваров К.Е. Неолитические захоронения в сосудах из Юго-Восточной Европы: возникновение обряда // Краткие сообщения института археологии. Вып. 224. М., 2010.
5. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.

6. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.
7. Гусев П.Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории. Вып. XIII. СПб., 1900.
8. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том IV. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 123. М., 1963.
9. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916.
10. Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественною смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. V. СПб., 1842 (М., 1989).
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. СПб., 1842 (М., 1989). 13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. СПб., 1843 (М., 1989).
14. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.
15. Козюренко О.В. Скудельницы в Пскове XV–XVI вв. // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. СПб., 1995.
16. Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1996.
17. Корольков Н.Ф. Новгород Великий с приложением «Краткого путеводителя по святыням и достопримечательностям Новгорода». СПб., 1903.
18. Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Новгород, 1910.
19. Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001.
20. Неронов И. Трое суток в Новгороде. СПб., 1842.
21. Орлов С.Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Некоторые вопросы истории СССР. Т. I. Вып. 1. Новгород, 1965.
22. Пежемский Д.В. Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 12. Новгород, 1998.
23. Петрова Л.Ю., Анкудинов И. Ю., Попов В.А., Силаева Т.В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000.
24. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1982.
25. Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

-
26. Снегирев И.М. О скудельницах, или убогих домах в России // Труды и записки Общества Истории и древностей Российских, учрежденного при Императорском Московском Университете. Ч. III. Кн. I. М., 1826.
  27. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1990. С. 606.
  28. Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995.
  - Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
  29. Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862.
  30. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, 1971, № 2.